

Швецов Роман

In the Soviet Union

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Швeцoв

In the Soviet Union

«Автор»

2026

Швецов Р.

In the Soviet Union / Р. Швецов — «Автор», 2026

В этом романе, из СССР - всё основано на реальных событиях. Прототипы у всех героев есть/были .. У некоторых героев несколько прототипов .. Однозначно, имена персонажей (всех) романа изменены и совпадения с реальными .. может быть только случайным. Здесь ГГ отправляют в командировку, в деревеньку под Новосибирском (деревенька реальная), в сезон уборки в сельском хозяйстве. Его назначают старшим группы из НИИ, где они работают. Вроде бы ничего необычного нету.. Но ГГ, работая на токе - знакомится с женщиной, которая этим током управляет .. и вот здесь начинается раскрываться .. сокровище ..

© Швецов Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Швецов In the Soviet Union

«У нас в Советском Союзе секса нет» (Л. Н. Иванова, сотрудница московской гостиницы «Ленинград» и глава «Комитета советских эсеницин)»

Глава первая Пятница

– Жора, спустись к начальнику – Валера опустил телефон.

Сбежав по ступенькам на первый этаж, Георгий стукнул в дверь с табличкой «Нач. 10 отд. Кузьмин А. П.» и толкнул её.

– Садись, Георгий Владимирович – начальник был на двадцать лет старше Георгия, но к своим подчинённым всегда обращался по имени-отчеству – Отчёт закончил?

– Осталось две странички напечатать, Алексей Петрович.

– Сегодня закончишь?

– Конечно

– Заканчивай и отдай Саше. Она просмотрит и подправит, если будут замечания. Ты, в воскресенье, поедешь старшим в Новомихайловку на сельхозработы. Новомихайловка, это наше подшефное хозяйство. Ты там ещё ни разу не был?

– Нет – Георгий загрустил, ехать не хотелось, но тут же встрепенулся – А надолго?

– На три недели. Ты старший, и будешь там до конца.

– А из отдела, кто-нибудь едет?

– В следующее воскресенье, на неделю, приедет Петя. Он там кого-то из второй лаборатории должен заменить.

Георгий вздохнул, поднимаясь со стула, и шагнул к двери.

– Да, чуть не забыл, прямо сейчас сходи к Шмакову.

Отдав пропуск вахтёру, и сказав, что идёт к Шмакову, Георгий вышел на улицу и, пройдя мимо раздвижных ворот проходной, зашёл в отдел кадров.

Кабинет замгендиректора по кадрам и режиму был на втором этаже.

– Постучав, Георгий прислушался

– Да!

Герман Степанович разговаривал по телефону. Кивнув, показал глазами на стулья вокруг стола, стоящего отдельно.

Отодвинув стул, Георгий сел.

– Я перезвоню. Так, ты кто? Гавриленко? – Георгий кивнул и хотел встать – Сиди – Шмаков встал и, выйдя из-за своего стола, сел рядом – В группе, вместе с тобой, восемь человек. Ещё, на своих грузовиках, там будут работать четыре водителя из гаража. Они приедут в понедельник, пятого сентября. У них свой старший. В группе есть двое, старше тебя. Но один работает в институте всего месяц, а второй, слесарь Вова, ненадежный товарищ. Ты не куришь?

– Нет.

– Пьёшь?

Георгий пожал плечами – Вообще-то я спортом занимаюсь.

– Литробо́лом

Георгий улыбнулся – Лыжи, йога.

– Хорошо. Значит я правильно выбрал. Сейчас зайдёшь в отдел кадров, возьмёшь командировочные документы на всю группу, а потом, в кассе, получишь аванс. Остальные уже получили. Здесь оклад, но без премии. А в совхозе будут платить зарплату, за выполненную работу. Из общежития только двое: ты и Бакланов – Шмаков глянул в потолок – Да, Бакланов. Остальные городские. Поэтому, в воскресенье, они приедут в общежитие и все вместе, группой,

поедете на вокзал. Электричка в восемь двадцать семь, вечера. На станции, там, вас должны ожидать. Там до деревни тридцать пять кэмэ. Переночуете в общежитии и с утра в правление, к директору совхоза – Шмаков встал и протянул руку – Ты старший. Отвечаешь за всех. До свидания.

Забрав документы, и получив аванс, пятьдесят рублей, Георгий вернулся в отдел, и допечатав отчёт, положил Саше на стол.

Пятница

До конца рабочего дня оставалось полтора часа, и он зашёл в комнату восьмого сектора, где работал Петя Головушкин. Возле Петиного стола, сдвинув стулья, сидели Валера и Руслан, и втроём они просматривали какую-то книжонку.

– О, Жора – заулыбался Валера – Ты-то нам и нужен.

– Петя, ты знаешь, что через неделю приедешь ко мне в колхоз? – спросил Георгий, подсаживаясь к ребятам.

– Угу – мотнул головой Петя – Валера, давай и его проверим.

– Да я уже ищу. Вот, классический.

– Что за книжка? – Георгий потянулся к обложке.

– Здесь есть описания идеалов мужской красоты: классического, аполлоновского и по да Винчи. Мы уже проверились: ни один из нас, в идеал, не вписался. Давай тебя проверим?

– Валей – согласился Георгий.

По классическим параметрам у Георгия была идеальная фигура. Парни, заулыбавшись, стали хлопать его по плечам и спине. В идеал красоты, по да Винчи, он тоже вписался. И они хлопали его, но уже не так весело. Когда результат совпал и с аполлоновским, друзья заскучили. Валера, захлопнув книжонку, и криво улыбнувшись, подытожил – Аполлон ты наш.

...

На проходной было полно народу. Как и всегда, в пятницу. Кто-то легонько ткнул Георгия в бок. За спиной стоял Артём и улыбался, обмахиваясь газетой. Сентябрьское солнце припекало по-летнему, и Артёму, слегка полноватому, было жарко.

– Щас бы пивка холодного, с воблой. Давай прокатимся до «Гостиницы», да выпьем по кружечке.

– И я с вами – Искандер, в белоснежной рубахе при галстукке, шурясь на солнце, с улыбкой смотрел на друзей.

На трамвайной остановке толпился народ. Трамвая, в пределах видимости и слышимости не наблюдалось, и переглянувшись, они пошли пешком до «Сада».

– Искандер, займи столик, а мы с Жорой постоим в очереди.

Сдув пену, Артём сделал несколько больших глотков и, зажмурившись от наслаждения, погладил живот. Разламывая сушёного окунька, сморщился и отрыгнул в нос. Пиво было свежее: бочку только что раскупорили. Повторив ещё по кружке, зашли в магазин, и прикупив две бутылки портвейна, пошли к трамвайной остановке.

В фойе общежития, проверив почту и взяв ключи у тёти Нади, поднялись на второй этаж. Артём с Искандером жили в конце коридора, в комнате напротив туалета. Комната Георгия была в центре. Договорившись после душа вместе поужинать, разошлись.

Георгий открыл дверь, шагнул в комнату, разулся. Четыре кровати. Стол у окна и четыре стула. Тумбочки у кроватей, и два шкафа по сторонам от двери. Переодевшись в трико и футболку, и обувшись в тапочки, пошёл в туалет. Приспустив трико, и оттянув плавки, пальцами правой придерживал член, направляя струю в унитаз. Но моча разбрызгивалась, и ругнувшись – Блядь! – сдержался, и сдвинув крайнюю плоть, изливал долго и с наслаждением, чувствуя как мякнет возбуждённый член.

...

В девятом часу вечера, поджарив на кухне картошку, сидели в комнате у Артёма.

Открылась дверь и вошёл Петя Головушкин. Он тоже жил в комнате с Артёмом.

– Петя, садись с нами – пригласил Искандер.

– Ребят, меня девушка ждёт – и взяв с кровати гитару, вышел.

Разлив вино по стаканам, Артём взял свой – Искандер, твой тост – и поднял стакан.

– Чтоб хуй стоял и деньги были ...

В дверь постучали.

– Не занято! – ответил Артём, и засмеялся. Заулыбались Искандер с Георгием.

Вошла Лена из триста четырнадцатой – Привет. Артём, у тебя не найдётся закурить?

Искандер вскочил, и шагнув от стола, слегка наклонил голову, и жестом правой руки от груди к столу, пригласил – Присоединяйтесь

– Какой галантный кавалер – Ленка усмехнулась и прошла к столу. Взяв из пачки «Мальборо» сигарету, окинула взглядом стол в поисках спичек.

Искандер снова вскочил, и подойдя к шкафу, и открыв дверцу, достал из кармана пиджака спички.

– Ребята-ребята! – Артём встал – Георгий не курит. Давайте покурим в коридоре.

Они вышли.

...

В одиннадцатом часу, допив в компании с Ленкой вино, и слегка захмелев, говорили разом, и смеялись всякой ерунде. Курили, не выходя из комнаты, открыв створку окна. На Ленкиных плечах пиджак Искандера.

– Ребята – Ленка, приподняв голову, выпустила дым – У меня в комнате бутылочка Варны. Кто со мной? – Искандер вскочил, опередив Артёма и, склонив голову, прижал левую руку к груди.

Они ушли и Артём, со словами – Надо отлить – пошёл в туалет.

Вернувшись через пару минут, и не закрывая дверь, предложил – Проветрим.

Прошло пять минут. Искандер и Ленка не возвращались.

– Ты скажи ему, Артём.

– А зачем? – Артём пожал плечами.

– Лёха весной лечился. Он же с Ленкой переспал

– А зачем? – Артём насупился.

В коридор вышли Ленка и Искандер.

Глава вторая Суббота

Во втором часу ночи допили Ленкино вино.

– У меня опять трусики из сушилки украли. Блядь – выматерилась Ленка.

Они смущённо молчали, не зная, как реагировать на столь интимное откровение.

– Фанаты – нашёлся Артём и захихикал.

– Да сучка какая-то – Ленка поморщилась: попытка Артёма свести к шутке, не понравилась – Этой сучке проще стащить чужие трусы из сушилки, чем постирать свои, вонючие.

– «Знала бы эта сучка, у кого трусы ворует, за версту обходила б сушилку» – подумал Георгий.

Пауза затягивалась

– А Жора у нас философ. Он прочитал двадцать два тома Ленина. Это вам не мелочь по карманам тырить. Вот – Артём показывал пальцем на Георгия.

У Искандера удивлённо поползли вверх брови.

– Я закончил в этом году университет марксизма-ленинизма. И по теме дипломной пришлось просмотреть двадцать два тома Ленина. Не прочитать, а просмотреть.

– Есть у революции начало, нет у революции конца – продекламировал Искандер и спросил – А скажи философ, вселенная бесконечна, или есть у неё конец?

Ленка, улыбаясь, смотрела на Георгия.

– Нету

Артём хмыкнул – Есть у неё конец, большой и толстый.

Искандер смотрел на Артёма, не зная, как реагировать на пошлость в присутствии дамы. Ленка, прищурив масляные глаза, демонстративно медленно хлопнула несколько раз ладонями и сказала – Bravo, bravo Артём.

Артём, пренебрежительно усмехнувшись, обвёл всех взглядом. Искандер засмеялся, вздохнув с облегчением. Георгий, смущённо, улыбнулся. Захихикал Артём.

– Я хочу спать – Ленка встала. Искандер вскочил и вышел следом.

– Я тоже спать – Артём закрыл окно, сел на свою кровать и потянул с себя рубашку.

Георгий вышел в коридор. Было тихо и темно, и только от лестничных площадок, на пол коридора, падал свет.

– Ссать хочу – грубовато сказал сам себе и, не включая свет, открыл дверь туалета.

В туалете, один унитаз в кабинке, другой у окна. Спустил трико и плавки, и чтобы они не сползли, раздвинул ноги. Член стоял, задрал головку. Пришлось наклониться и отогнуть его рукой, чтобы не обоссать стену. Зажурчала моча, и одновременно, с характерным звуком, пошли газы. Он облегчённо передохнул, подёргал член, стряхивая. Подтягивая трико, почувствовал, как плавки впитывают мочу – «Сколько ни ссы, последняя капля всегда в трусы» – усмехнулся он, выходя из туалета.

Вымыв руки и ополоснув лицо, пошёл по коридору.

На межэтажной площадке, у окна, Искандер целовался с Ленкой.

...

Георгий, стараясь не скрипнуть дверью, вошёл в комнату.

На своей кровати шевельнулся Юрка – Жорик, ты?

– Я – сел на свою кровать, и стянул трико и футболку. Отвернув покрывало, лёг на спину. Плавки стянул под покрывалом.

Заснул, и сразу проснулся. Сев на кровати, взял с тумбочки часы – 7:30. Приподняв покрывало, и отклонившись к стене, натянул плавки, прижав резинкой к животу торчащий член.

Юрка спал на животе, головой к стене. Ещё две кровати были заправлены. Валерка должен был через два дня вернуться из командировки, а Семён, взяв отпуск, уехал к родителям копать картошку.

Надев трико, снял со спинки кровати полотенце и, держа в руке перед собой, встал. Обувшись в тапочки, вышел из комнаты и пошёл в туалет. Звенящий от напряжения член не хотел гнуться и он, включив свет, зашёл в кабинку. Встал на унитаз, и сняв трико и плавки, присел и ссал, сдерживая напор, чтобы не обрызгаться. Эрекция не ослабевала, и зайдя в умывальник, открыл холодную воду, и прислушиваясь к тишине коридора, оттянул трико и плавки, и вызволив член, сунул головку под струю. Обтерев обмякший член полотенцем, и упрятав в трико и плавки, умылся.

Вернувшись в комнату, переобулся в кроссовки и, захватив футболку, спустился в фойе.

Тётя Надя шла по коридору от душа – Куда ты, Гавриленко?

– Пробежка

Она вышла в фойе, и взяв со стола ключи, прошла в тамбур и открыла дверь.

...

Сквозь белёсый туман было не разобрать: пасмурно или ясно. Кожа покрылась пупырышками, и натянув футболку, Георгий глянул на часы, отметив время, и побежал.

За городом, когда он уже видел впереди пруд, сзади посигналил автобус и, обогнав его, резко затормозил, свернув на обочину. Остановки здесь не было и Георгий, удивившись, перешёл на шаг. Открылась дверь, из автобуса прыгнул на землю мужчина и пошёл навстречу

Георгию. Его походка, чуть вразвалку, сдвинутая набекрень фуражка, цветастая рубашка с расстёгнутыми верхними пуговицами – Хижин!!

– Жорка!!

Крепко пожав руки, так же крепко обнялись. Армейский товарищ, Сашка Хижин, работал водителем на пригородном маршруте.

– Тебе далеко, а то у меня расписание.

– Да вон он, пруд.

– Ну пойдём, я медленно поеду. Поговорим немного. Здесь, в городе, из наших кого видел? Панкрата, Борьку, Грызуна, Шуру ...

– Борьку и Панкрата в прошлом году. Шуру нет, а Грызун же в учебке.

– А я думал он так от службы косит.

– Панкрат ездил в Днепропетровск, к Бельмасу.

– Да ты чё? Как он там, не женился.

– Теперь уже, наверное, да. Он приглашал Панкрата на свадьбу. Да, вспомнил, Шура же вернулся в Чирчик.

– Всё-таки вернулся. А я думал, погулял наш Шурик и слинял; значит вернулся. Ты про Матюху слышал?

– Нет, а что с ним?

– В тюрьме. Семь лет. Попытка изнасилования.

– Вот дураак!

– Даа. Представь как глупо, не за изнасилование, а за попытку. А ты знаешь, что Аким на городском маршруте работает?

– Ёбанный стосс!? – Георгий будто увидел: Аким, за рулём Урала, мчится по аэродрому и, обгоняя идущего с карабином Фому, вопит – Ёбанный стосс!!

Сашка затормозил. Георгий вышел из автобуса, Хижин тоже. Они крепко обнялись.

– Ну, бывай

– Давай

Объехав пруд, и посигналив, автобус скрылся за поворотом.

...

В общагу, Георгий, вернулся без четверти девять. Юрка брился. Переобувшись, скинул футболку и, достав из тумбочки полотенце, пошёл в душ.

После душа зашёл в комнату Артёма. Петя пил чай, освободив от бутылок, стаканов и окурков уголок стола. Искандер спал, завернувшись с головой покрывалом. Артёма не было, но кровать не заправлена. Поздоровавшись с Петей, сел на пустую кровать.

Вошёл Артём с полотенцем на плече – Оо, привет. Искандеэээр! – Артём подёргал покрывало. Искандер повернулся на бок, завернувшись в покрывало ещё больше – Искандер, ну мы идём? Или как?

Искандер сел, не открывая глаз. Они смотрели, улыбаясь и ожидая, что будет дальше. Искандер сидел в одной позе, не шевелясь и не открывая глаз. В комнате зависла тишина. Минуты через две, Искандер приоткрыл глаза и, не поднимая головы, скосил их в сторону стола. Артём не выдержал и прыснул. Искандер вскочил, поняв, что розыгрыш не получился и потянулся.

Через пять минут он уже стоял перед зеркалом и поправлял галстук – Идём. Петя, ты с нами?

– Вы в пельменную?

– Ага

– Тогда да

Артём закрыл дверь и, оставив на вахте ключ, они вышли из общаги.

...

Боль в груди появилась через час после того, как они вернулись из пельменной. Георгий, у себя в комнате, лежал на кровати и читал книгу «Русь изначальная». Юрки не было. Он ушёл, со своей девушкой, на танцы. Грудь сдавило, стало трудно дышать. Он сел, потом встал и походил. Попробовал глубоко вдохнуть и не смог.

Без стука зашёл Артём и, не проходя в комнату, предложил – А не распить ли нам бутылочку портвейна.

Георгий, потирая грудь, поморщился.

– Это, наверное, давление. У меня, с утра, тоже голова болела.

– У меня давление нормальное, я донор.

– Неет – покачал головой Артём. – Нет Жора, ты не прав – и, загибая пальцы – Мы вчера выпили почти по пол-литра на каждого. Спать легли во сколько? А во сколько ты встал? А сколько ты пробежал? Жора, тебе надо сходить в поликлинику. Ну хочешь(?), я пойду с тобой. А вдруг у тебя, и правда, высокое давление? Тебе могут дать больничный, и ты не поедешь в свой колхоз – слегка округлив глаза, и подняв вверх палец – Жора, ты можешь откосить колхоз.

Георгий согласился – Схожу.

– Вот правильно. А мы с Искандером пока сбегает за винцом.

...

До поликлиники, от общаги, три минуты ходьбы. В холле было тихо. Жужжали и перемигивались неоновые лампы под потолком. За стеклом регистратуры никого не было.

Нет, была! В белом халате, за столом у стены, сидела медсестра и читала. Отложив книгу, подошла к окну.

– Мне к терапевту, давление.

– Вы измеряли?

– Нет.

– Почему решили, что давление?

– Нет, потому что мне нечем измерить.

– Температура высокая?

– Нет – Георгий потрогал лоб – Не знаю.

– Фамилия – она направилась к стеллажам.

– Гавриленко.

Она двинулась влево, и обойдя стеллаж, спросила – Имя-отчество.

Долго рылась, спросила ещё – У врача не были? – и найдя карточку, и выписывая статталон – Двадцатый кабинет, второй этаж, направо.

Второй этаж-направо-двадцатый кабинет. Он стукнул в дверь, и вошёл.

Терапевт взяла статталон – Садитесь. Что случилось?

Георгий сказал, что давит грудь. Терапевт дала ему градусник, и развернула тонометр.

Страхнув градусник, сунул под мышку.

Терапевт измеряла давление – 160 на 100. Раньше было давление?

– Нет.

– В норме какое?

– 120 на 80.

Она потянулась за градусником – Температура нормальная. Ну, рассказывайте.

Георгий рассказал о пирушке и кроссе.

– Ну вот и ваше давление – и стала писать в карточке. Написав на листочке, подвинула ему – Вот, можете попить.

– А больничный?

– У вас молодой, здоровый организм. Выспитесь, и всё пройдет. Больничный не нужен. До свидания.

Георгий вернулся в общагу. Переоделся в трико и футболку, и лёг на кровать. Из книг, на тумбочке, выбрал «Обрыв» и стал читать.

Постучав в дверь, и приоткрыв, заглянул Артём.

– Заходи.

– У меня ... – Артём показал дымящуюся сигарету – выпуская дым в коридор, спросил – Колхоз отменяется?

– Поеду.

– Что так, нет давления? – Артём остограмылся, и был в приподнятом настроении. В комнате намечалась пирушка. В красном уголке, вечером, дискотека. Артём уже понял, Георгий не пойдёт, и хотелось сказать что-то такое-этакое. Но слова не приходили, и настроение портилось – Славка не заходил?

– Нет. А он здесь?

– Да, бегает где-то. Ты же знаешь. Кстати, он тоже с нами, может всё-таки пойдёшь? – предпринял ещё одну попытку Артём.

– Нет

– Я пойду(?), тогда – полувопросительно, полуутвердительно.

Георгий качнул головой.

Минуты через три, без стука, вошёл Славка, и пошаркав подошвами по коврику, шагнул, и присел на краешек кровати – Чистые. Показать? Чё читаешь? Аа, Гончаров, Обрыв. Не читал. Артём сказал, что у тебя давление? Ещё сказал, что тебя в колхоз отправляют. Надолго?

– На три недели.

– Даа, в деревне щас хорошо. В лесу. Ты любишь осенний лес?

Снова заглянул Артём – Славик, ну ты чё? Уже налили, все тебя ждут.

– Жор – Славка встал – Я пойду?

Георгий улыбнулся – Иди.

Они ушли.

Когда книга, вывалившись из рук, упала на пол, он положил её на тумбочку, и повернувшись на правый бок, закрыл глаза.

Артём был другом. А познакомил их Славка.

Славка

Славик был оригинальной личностью. Дело в том, что, с его слов по крайней мере, у него друзей было, ну если не весь многомиллионный Советский Союз, то уж половина, точно! И он, готов был сорваться и идти, ехать, лететь, хоть на край света (и шёл, ехал, летел, если были деньги), когда его другу было плохо. И наивно, по молодости, полагал, что и друзья его примчатся к нему, когда ему будет плохо. Но у друзей, почему-то, всегда находились дела более важные. И Славка, всё острее и острее, с каждым годом, осознавал своё одиночество. И срывался, и уходил в запой. Человек он был безобидный, от друзей не отрекался. И если другу было плохо, и другу нужна была его помощь, Славка срывался и шёл, ехал, летел. Если были деньги. А Славке и надо-то было только, чтобы друг посидел с ним, и выслушал, пусть и в сотый раз, трагедию его любви.

История Славкиной Любви заслуживает отдельного повествования.

Глава отдельная История Славкиной Любви

Славка деревенский. После школы приехал в город поступать в институт. Сдал экзамены и был зачислен на первый курс. В сентябре, весь поток, отправили в подшефное хозяйство на уборочную.

Занятия начались с первого октября. Лекции, семинары, коллоквиумы, зачёты, семестры, сессии. Прошло два года беззаботной, студенческой жизни. На третьем курсе, на новогодней вечеринке, которую факультет, традиционно, проводил в кафе «Отдых», он познакомился

с Юлькой. Юлька пришла с Димкой, Славкиным сокурсником. Как-то так получилось, что Юлька танцевала всё время со Славкой. Димка, изо всех сил изображал веселье, но было видно, обиделся смертельно. Впрочем, Славку это нисколько не волновало.

Он влюбился. С первого взгляда.

Юлька была старше на пять лет. Работала в НИИ, лаборантом. Славка потерял голову, и забросил учёбу. Через полтора месяца его отчислили за неуспеваемость.

Сдав постельное кастаньянше, и забрав в деканате документы, Славка вышел на остановку.

Конец февраля. Сияло солнце, текли ручьи. И в первый раз, за два месяца, он, словно очнувшись, подумал – А дальше, что?

– Вы, остановку спрашиваете или улицу?

Славка воззрился на мужчину.

– Вы только что спросили – А дальше что? Вот я и пере...

– Я подумал

Мужчина заглянул в Славкины глаза, улыбнулся и отошёл.

Юлька предложила устроиться на работу в институт. Вместе с ним сходила к коменданту общежития.

– Место в общежитии есть, но надо иметь прописку – объясняла комендант – Или пусть принесёт записку от Шмакова, с разрешением на временное проживание, пока не оформит городскую прописку.

– К Шмакову, просто так, не попадёшь – огорчилась Юлька – Надо записываться на приём по личным вопросам. А какой у тебя может быть личный вопрос, если ты не работаешь в институте – в глазах у Юльки заблестели слёзы.

Славка сам чуть не расплакался, страдая от того, что страдает Юлька.

У старой девы дрогнуло сердце – Ладно, я позвоню Дарье Михайловне, она что-нибудь придумает – взяла трубку и набрала 3-43 ... – Дарья Михайловна, здравствуйте, ещё раз. Тут у меня молодой человек, не может устроиться на работу ... прописки у него нет ... – прикрыла ладонью трубку, и к Славке – Есть, где переночевать? – Славка замотал головой – Говорит, нет ... Хорошо ... Спасибо – и положила трубку – Идите к Дарье Михайловне, в отдел кадров. Она ждёт.

Юлька аж запрыгала, хлопая в ладошки.

Дарья Михайловна, начальник отдела кадров, вышла из кабинета и, пройдя по коридору, зашла в женский туалет. Под форточкой, у окна, покрашенного белой краской, курили две девушки.

– Галя, Вера, я ведь просила: не курить в туалете – и поперхнувшись, закашляла.

Загасив окурки о подоконник, Галя распахнула створки окна.

– Ну что ты делаешь! Закрой! Я не хочу, чтобы за мной подглядывали.

Закрашенное белой краской, окно женского туалета, выходило на территорию института. Галя закрыла окно и девушки вышли.

Закрывшись в кабинке, и достав из кармашка юбки бумажную салфетку, задрала подол и стянула трусы. Раздвинула ноги, и наклонившись над унитазом, и упираясь локтями в коленки, приподняла попу. Нет, жопу! Крупная была женщина. Шумно лилась моча, вспенивая воду. Напрягая живот, и втягивая сфинктер, хотела выпустить газы без звука, но не сдержалась и громко запердела. Подтёрлась салфеткой, и вытерев ею же руки, оправила юбку, оглаживая бёдра. Поправляя причёску перед зеркалом, сунула руку под мышку и, передёрнув плечом, поправила лифчик. Не вымыв рук, вышла из туалета.

Три тайны Дарьи Михайловны

Дрочила хуй, слюной залупу,

Измазав, сунула в пизду,

Он затыкал ей пальцем жопу,

*И щупал влажную манду,
И позабыв про стыд и горе,
Она еблась, серел рассвет;
Гандон болтался на заборе,
И в окнах, с видами на море,
Не отражался лунный свет*

Дарья Михайловна – крупная женщина. Крупная, во всех смыслах этого слова: рост метр восемьдесят пять, широкие, необхватные бёдра, и круто выпирающие назад, булки ягодич. Бюст седьмого размера.

– Аэродром – говорил Альберт, покойный муж, когда, лёжа на ней и щекоча волосатой грудью соски, швыркал влагалище длинным и толстым членом.

С мужем она прожила тринадцать лет. Семейная жизнь – первая её тайна, тщательно, от всех, скрываемая. Альберт работал сантехником. И пил-пил-пил. В сексе не было удовлетворения. Муж быстро кончал, а излившись, отваливался и засыпал, не успев отвернуться к стене. Поначалу страдала из-за этого. Потом приспособилась. Когда он засыпал, ласкала пальцем клитор, ещё не остывший от возбуждения, и тяжело дыша, прикусывала губу, чтобы не разбудить, стопами, мужа.

Три раза лежала в гинекологии. Два раза с кровотечением. А в третий с кровотечением, и разрывом заднего свода шейки матки. Три раза он насиловал её. С грубой, звериной жестокостью. Пьяный, с налитыми кровью глазами, зажимая ей рот рукой: она кричала от боли, когда он насиловал её в первый раз. В третий раз потеряла сознание от болевого шока. Он кончил и отвалился. И уснул. Придя в себя, сама вызвала скорую.

Член профкома, член партии, она быстро продвигалась по карьерной лестнице. Выпившись из клиники, пришла к парторгу и сказала, что будет разводиться.

– Ну что скажу, разводишься. Но по партийной линии продвижения уже не будет.

Она подала заявление на развод.

С квартиры съехала и жила в общежитии. Альберт умер через семь месяцев, от цирроза печени. После похорон, свекровь, жившая отдельно с младшим сыном, инвалидом ДЦБ, предложила жить вместе. Нину Марковну она называла мамой и после развода. И свекровь относилась к Дарье, как дочери. Может быть ещё и поэтому она, так долго, не могла решиться на развод. Свекровь не перенесла горя. Заболела и через два месяца умерла. Дарья осталась в двухкомнатной квартире с инвалидом. Она не смогла нарушить обещание, данное свекрови: не отдавать Вениамина в дом инвалидов. Вениамин был безобидный, тихий. Особого ухода ему не требовалось. Только в ванне он не мог помыться сам, завязать шнурки на ботинках, да натянуть майку (или дашку?). И говорил заикаясь, и растягивая слова.

Утром пятого дня, после похорон свекрови, Дарья обувалась в прихожей. Вениамин стоял в проёме комнатной двери, прислонившись к косяку. Он, с первого дня, так провожал её на работу. И так же встречал.

Открывая дверь, она сморщилась и повела носом. Острый запах пота исходил от Вениамина – Вечером будешь мыться. Пока.

– Ддддоооосвидаааания Ддддааша.

Вечером, набрав в ванну воды и взбив шампунь до пены, позвала – Вениамин!

Он пришёл. С полотенцем.

– Почему не разделся? – Дарья, с улыбкой, смотрела на него сверху вниз. Альберт был выше Дарьи, а Вениамин низкорослый и сухощавый. У него покраснели мочки ушей – Я что, голого мужчину не видела? Раздевайся, подожди, дай я сама – расстегнула и сняла с него рубашку. Присела и сдвинула полотенце, которое он держал перед собой ... и замерла: перед её носом оттопырилось трико. Дрожащими руками потянула трико, но оно не снималось, зацепившись резинкой за ... за заколотилось сердце, и в сводах появилась, тянущая истомой,

боль. Дарья пальцами подцепила резинку трико, оттянула и дёрнула вниз. Длинный и толстый член, упруго качнувшись, напряжённо замер. Резко пахнуло прокисшим потом вперемешь с говном, давно не мытой жопы инвалида. Но Дарья пялилась на член, словно завороченная, и даже не поморщилась – «Как у Альберта»

Дарья мыла Вениамина, натываясь взглядом на член, высовывающийся из пены. Обтирая, через полотенце коснулась члена и содрогнулась от желания, охватившего, словно пламя, всю её плоть. Дарья выпрямилась и легонько подтолкнула Вениамина в плечо.

– В мою – когда он хотел идти в свою комнату – Ложись.

Вениамин сел, а потом лёг на кровать. Она разделась, легла рядом и потянула его на себя. Голова Вениамина лежит на её груди. Он, мыча и дёргаясь, тычется не попадая, и наконец сваливается с неё. Дарья поставила его на колени, встала раком, подставив зад, и уткнувшись головой в подушку, раздвинула руками ягодичы. Он мычал, тыркался по ляжкам, больно впинаясь костлявыми пальцами в кожу на спине, она водила задом из стороны в сторону и сверху вниз, пытаясь поймать член и насадиться ... не получилось. Дарья легла на него, зажав член между ног. Тщедушный Вениамин, придавленный бабищей, стал задыхаться. Дарья встала и постелила на полу – Иди, сюда ложись – расставив ноги, встала над ним. Приседая, левой поддерживала член, а правой раздвинула губы интроитуса и ... поймала. Член погружался во влагалище. Когда появилась боль, она поняла, что поза выбрана неправильная. Проникновение было глубоким и неконтролируемым. Медленно стянулась и встала на колени. Опираясь правой об пол, и поддерживая, и направляя левой рукой член, поймала его раззявленной щелью вагины ... двигалась медленно, короткими и плавными тычками ... он кончил через минуту, дёргаясь, сипя и брызгая слюной ...

Дарья испытала разочарование, не успев дойти. Но через час, позвав его пить чай, увидела, что у Вениамина стоит. Снова постелила на полу. Встала на колени и, натянувшись на торчащий как кол член, двигалась короткими и плавными толчками. Совокупление длилось дольше. Вениамин кончил ещё раз, но Дарья не дошла ...

С этого дня, каждый вечер, она водила его в свою комнату. По два раза.

Прошло две недели. Дарья ни разу не испытала оргазма, и это раздражало. Вечером пили чай. Вениамин уронил и разбил стакан.

– Да что опять с тобой? – не сдержалась она, и собрав осколки в ковшик, намочила тряпку, и подёрнув коротенькое, домашнее платье, наклонилась и стала вытирать пол. Вениамин смотрел как ёрзает ягодичы, смотрел на чёрный пучок между её ног, и когда Дарья приблизилась, сунул руку. Пальцы проскользнули по промежности и задели клитор. Дарья замерла, и выпрямившись, замахнулась тряпкой ... у Вениамина были сняты штаны и член торчал, целясь Дарье между ног. Бросив тряпку, сгребла и поволокла его в спальню. Не раздеваясь, села над ним, и насадившись, прикоснулась к клитору средним пальцем ... по лобку побежали мурашки. Но ласкать клитор одной рукой, а другой ограничивать глубину погружения было неудобно. Она быстро устала. От напряжения заболели ноги. Тогда Дарья опёрлась правой рукой о его колено, и совершая фрикции влагалищем, левой ласкала клитор. От низа живота, к груди, плеснулись волны наслаждения. Не сдерживая стонов, стала двигаться резче, насаживаясь глубже. На пике чувственного наслаждения, потеряв контроль, погрузила в себя почти весь член, и в это мгновение Вениамин задёргался, изливаясь ... от острой боли едва не лишилась сознания.

Два дня кровоточило, как при месячных, но всё обошлось. Дарья пошла к гинекологу.

– Расслабьтесь ... стенки розовые ... швы рассосались ... матка увеличена на две-три недели, замужем?

– Нет

– Живёте половой жизнью?

– ... Да

– Когда последний раз были месячные?

Дарья испугалась – «Совсем вылетело из головы»

– Задержка есть? – Дарья молчала – Вы почему молчите?

– Матка у меня всегда немного увеличена. А месячные должны прийти через неделю.

– Вставайте, одевайтесь.

Дарья слезла с кресла.

Гинеколог, повернувшись к столу, заполняла карточку.

Выйдя из поликлиники, зашла в аптеку и купила презервативы.

Вечером подмыла Вениамина, и вытащив из ванны, и обтерев полотенцем, сказала – Иди в спальню, ложись.

Подмылась, и достав из сумочки презервативы, зашла в комнату. Вениамин лежал, закатив глаза, и скалился, обнажая жёлтые зубы. Улыбка напомнила, что он всё-таки больной. Дарья поморщилась. Но торчащий член вызвал улыбку, и присев на колени, отогнула его и отпустила. Член, упруго качнувшись, шлёпнул по животу. Вскрыла упаковку, и достав презерватив, натягивала. Вениамин открыл глаза, и потянувшись, дотронулся до соска. Было противно, но она стерпела – «Странно» – думала Дарья, лаская член и перебирая пальцами яйца – «Неужели можно полюбить часть человека, его орган, доставляющий наслаждение, и не любить самого человека? Ведь это его орган» – она сжимала член, поражаясь его твёрдости – «Как палка, как камень» – чувствуя, как под ладонью начинает пульсировать кровь. Дарья взглянула на Вениамина; глаза закатились, мычит, полудебильная улыбка, из носа вытекла сопля, высохшая рука поджата к груди ... перевела взгляд на член – «Мой хороший, мой сладкий, мой родной, мой миленький, мой красивый, я обожаю, я люблю тебя, я не могу без тебя ...» – Дарья смутилась, мысли спутались, запылали уши. Она вспомнила что в последние дни была нетерпеливой и раздражительной, грубо обрывая Вениамина, когда, пытаясь сказать что-то, он начинал мычать и заикаться.

– Иди к себе! – бросала она, как собаке. А через час тащила его в свою комнату.

Толстый латекс презерватива был обработан тальком. Дарья взяла с тумбочки силиконовый крем, и выдавив на руку, обхватила член, и сделала несколько движений от головки к животу, чувствуя как играет очко и сокращается вагина. Присев на коленях, направила головку во влагалище. Вениамин дёрнулся и, скользнув по промежности, член упёрся в анус. По лобку побежали мурашки. Встав на колени, стянула презерватив и дредила, пока не брызнула сперма, заляпав ей грудь и живот. Сходив в ванну, принесла влажное полотенце, и обтерев обмякший и опавший член, яйца и живот Вениамина, пошла под душ.

Утром, сходя в туалет и сполоснув руки и лицо, зашла на кухню. Включила чайник и достала из холодильника масло и сыр. Вениамин, шаркая тапками, подошёл к туалету и замычал -Ддддооооооброе утро Ддддааша

Она делала бутерброды и кивнула головой.

Он открыл дверь в туалет.

Постой – и подошла к нему.

Он был в майке и трико. Член стоял, оттопыривая мотню. У Дарьи мурашки побежали по рукам и она, стянув с него трико, встала на колени и чмокнула член в головку. Спазмы задёргали влагалище, она встала, и закрыв дверь туалета, и сжимая член левой рукой, потянула за собой.

– Ложись – и сбросив халат, опустилась на колени – «Обойдусь без презерватива» – подумала она. Он лежал, а Дарья, встав на коленях над ним, жопой к его лицу, сосала и облизывала раздувшуюся залупу, пуская слюну. Вениамин, левой, здоровой рукой, гладил Дарьину необъятную жопу. Она удивилась: прикосновения не раздражали, и даже доставляли удовольствие. Его палец скользнул по ложбинке ягодиц и ткнувшись в анус, замер. И опять Дарья удивилась что не испытывает раздражения. Он убрал палец и снова стал гладить ягодицы. Дарья

взяла его руку и, подтянув к анусу, прижала. Вениамин подставил палец к анусу, а Дарья, удерживая его руку, стала вдавливать палец. Палец вошёл в жопу. По телу прошла судорога, она застонала. Вениамин вытащил палец и, облизав, снова засунул. Она лизала залупу и дробила член двумя руками, а он тыкал пальцем в жопу. Дарья выпрямилась и, привстав, подвинулась вперёд. Придерживая член, стала медленно опускаться, пока залупа не упёрлась в анус. Приподнимаясь и опускаясь, каждый раз чуть ниже, двигалась, пока залупа, преодолев сопротивление сфинктера, не вошла в жопу. Опираясь руками о пол, стала медленно натягиваться. Ощущение было непривычное, но сладостное. Залупа упёрлась в изгиб, и Дарья, медленно приподнимаясь и сдавливая член сфинктером, испытала сладострастное наслаждение, выдавливая член из себя. Хуй выскользнул, Дарья удержала его и натянулась ещё раз. Хуй снова упёрся и она, выпрямившись, стала медленно, преодолевая боль, оседать. Задёргался Вениамин и Дарья, хватая ртом воздух, захлебнулась от наслаждения ... Она лежала на полу с закрытыми глазами и таяла от блаженства. О том, что нужно идти на работу, Дарья забыла. Через семь минут открыла глаза. Вытянув руки за голову, и сцепив в замок, сладко потянулась, выгибаясь и поворачиваясь на бок. Вениамина не было – «В туалете» – фантомные ощущения в прямой, ввергали в эйфорию, и прислушавшись к своему состоянию, она тихо засмеялась. Даже это доставляло удовольствие – «Я извращенка» – Напрягая диафрагму, пукнула. Но вместо характерного звука, выпускаемых газов, булькнуло и захлюпало между ягодицами – «Ещё не хватало, обосралась что ли?» – Дарья села, чуть сдвинувшись назад. На покрывале расплывалось пятно слизи, с жирно блестящими сгустками спермы и вкраплениями каловых масс. Дарья соскочила и, выдвинув из комода средний ящик, взяла из стопки подгузник, и наклонившись к одеялу, стёрла пятно. Ещё одним, раздвинув ноги и присев, вытерла промежность, а третьим прикрыла пятно и придавила рукой – «Застираю после работы ...» – Её обожгло – «Оой, на работу же!» – и она побежала в ванну, чуть не сбив Вениамина, вышедшего из туалета. Краем глаза увидела, что мотня его трико в пятнах – «Тоже постирать!»

Из квартиры выскочила, отмахнувшись от мычащего -Ддддооосвидддааа ... – Вениамина. Уже в автобусе вспомнила, что не выключила чайник, и всю дорогу терзалась – «А вдруг Вениамин не выключит?». С опозданием в полчаса зашла в кабинет, и сразу к телефону

– Алло – короткие, и начинающиеся с гласных, слова Вениамин выговаривал не заикаясь.

– Чайник выключи!

– Я ввввыыыкккк ...

Дарья опустила трубку.

На два часа, у Шмакова, было назначено совещание с начальниками лабораторий и отделений по графику работы в предновогодние дни, и в первую неделю нового года.

В 13:55 Дарья вышла из своего кабинета, и зашла в кабинет Шмакова. Все стулья за столом и у стен были заняты. Шмаков указал на стул возле сейфа и Дарья села. Глянув на часы, Герман Степанович встал и гул голосов пошёл на убыль.

Заверещал красный телефон. Шмаков поднёс к уху трубку – Включи радио – коротко бросил директор и отключился.

Шмаков шагнул к сейфу и подкрутил лимб громкоговорителя –...ного приступа скончался председатель президиума Верховного Совета, генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза: Леонид Ильич Брежнев ... – в помещении зависла гробовая тишина. Когда заиграла траурная музыка, все встали.

Через две минуты Шмаков убавил громкость. Заверещал синий телефон – Герман Степанович – звонила секретарь парторга – В 14:40 общее партийное собрание в красном уголке. Передайте всем.

– Совещание отменяется. В 14:40 общее партийное собрание. Передайте своим.

В красном уголке института шло общее партийное собрание. Выступал парторг. Дарья Михайловна сидела в пятом ряду, в кресле у прохода. Она пыталась сосредоточиться на речи

парторга, но сознание, шаг за шагом, прокручивая плёнку событий дня, и связывая в цепь, вернулось в спальню. Она, почти физически, ощутила, погружившийся в ж ... Её теребили за плечо. Дарья сбросила наваждение, и увидев, что все стоят, встала и пошла по проходу. В тишине звонко цокали по мраморной стяжке пола стальные подбойки на каблуках. Только закрыв дверь, и оказавшись в коридоре, она увидела, что никто не выходит. Хотела вернуться, но передумала и пошла к себе.

Минут через двенадцать заглянул Герман, и спросил – Что случилось?

– Месячные – глядя прямо в глаза, ответила она.

Он смутился, и закрыл дверь.

Вечером пришли месячные. На пять дней раньше. Придя с работы, и переодевшись, сразу пошла в ванну и помылась под душем. Закрутив полотенцем голову, и накинув халат, зашла к Вениамину.

Он читал «Даурию».

Книги она приносила ему из библиотеки. Выбирала, то, что ей самой казалось интересным.

– Брежнев умер – он закивал головой – По радио услышал? – он опять кивнул. Вспомнив, что хотела постирать трико, сказала – Давай трико, постираю.

Он отложил книгу, и стал снимать трико.

Она пошла к себе, и сняла покрывало. Пятно подсохло, но желтизна осталась. Снова зайдя к нему, он сидел в трусах, забрала трико. Замочив покрывало и трико, и размотав с головы полотенце, пошла на кухню. Разогрела ужин и позвала Вениамина. Но он не шёл.

Она крикнула – Вениамин, ужинать! – и не услышав шарканья, и начиная злиться, пошла сама.

Вениамин сидел с книгой – Что, особое приглашение? – Дарья стояла над ним. Он отложил книгу и, опираясь о спинку кровати, встал. Покрывало сползло, и член ткнулся Дарье между ног. От похотливого желания, сделать это прямо сейчас, зачесалось и появился зуд в анусе. Забыв, зачем пришла, взяла его за плечо и повела в ванну. Подмыв, привела в свою комнату.

Он лежал, а она стояла над ним на коленях. Подставив ему жопу, сама облизывала член, обильно смазывая слюной. Дарьяна жопа была так близко, что он мог лизать анус. Тёмный кружок ануса, словно дыша, то сжимался-то расширялся. Он высунул язык и стал лизать ложбинку и анус, пытаясь засунуть язык. И когда получилось, Дарья замерла. А потом, обхватив ягодицы, развела их и опустила жопу на его лицо. Она елозила по его носу, губам, чувствуя шершавость языка, и заводилась всё сильнее и сильнее. Не в силах больше сдерживаться, подвинулась вперёд, и приподняв жопу, и рукой придерживая член, прижалась анусом к залупе. Вениамин сжимал хуй левой рукой, и Дарья, опёршись двумя руками об пол, приподнимаясь и опускаясь, поворачиваясь, выгибаясь и прогибаясь, стала насаживаться. Член медленно погружался. Сфинктер сопротивлялся противоестественному. Погружение причиняло боль. Она натужилась, чтобы выдавить его, и сопротивление ослабло. Тужась и выгибаясь, насаживалась на член. Когда ягодицы прижались к паху Вениамина, левой рукой попробовала потрогать член, и не смогла. Он весь был в жопе! Она сидела, сдерживая желание выдавить член из себя, а по телу, судорогами, пробежал озноб. Запульсировала сперма, и не сдерживая стонов, она выдавила член. Руки и ноги дрожали и Дарья легла на пол. И отключилась.

Очнулась от мычания Вениамина. Он стоял над ней, и весь пах у него был в крови. Испуганно села, а он тыкал пальцем вниз – Ккккрооовь Ддддааашааа ...

Дарья опустила глаза: покрывало в пятнах крови. На волосах лобка, и на губах кровавые сгустки – «Месячные» – вспомнила: днём болели соски, и была ноющая боль внизу живота. Но она думала, это связано с тем, что произошло утром. Дарья встала и, зажав промежность рукой, пошла в ванну.

Больше так не экспериментировала.

Насадившись жопой, погружала в себя на десять-двенадцать сантиметров, и совершая фрикции, ласкала пальцами клитор. Откуда-то (если бы её спросили, откуда? – она не смогла бы ответить) возникали волны наслаждения и, захватывая всю её, уносили из мира реальности. Когда в кончиках пальцев появлялось покалывание, яркими вспышками сладострастия наступал оргазм.

На пятый день месячные закончились. Она сидела у себя в кабинете. До обеда оставалось двенадцать минут. Дарья встала и подошла к зеркалу. Осмотрев себя, стала поправлять причёску ... зеркало пошло рябью, как круги на воде от брошенного камня и ... она увидела трамвай на остановке. Открылись двери, и с передней площадки шагнула молодая женщина, и оглянулась. Было пасмурно и шёл снег, но всё было так близко, что когда женщина обернулась, Дарья узнала её: это была Татьяна, инспектор отдела кадров. В следующее мгновение её сбил, визжа тормозами, грузовик. Закричали в ужасе люди ... и всё исчезло.

Дарья стояла перед зеркалом, а на лбу выступал пот. Татьяна устроилась на работу три месяца назад. Муж Татьяны работал в институте слесарем-монтажником. Двое детей, мальчик полутора лет и девочка пяти лет. Дарья даже запомнила их имена: Коля и Даша.

Дарья отшатнулась от зеркала – Что это? Господи, что это? – от ужаса шевельнулись волосы на голове.

Она вышла из кабинета, и пройдя по коридору, мимо кабинета Шмакова, зашла в отдел кадров. Галя, склонившись над Верой, что-то рассказывала. У окна, за своим столом, сидела Татьяна и, перелистывая чей-то паспорт, заполняла форму. Дарья подошла к Татьяне и остановилась, не зная что сказать. Галя и Вера смотрели, встревоженные видом Дарьи Михайловны. Обычно, застав Галю возле Веры, она шлёпала её по попе и говорила – Иди работай.

Таня подняла глаза и улыбнулась – Я заканчиваю. Дарья Михайловна.

Дотронувшись до её плеча – Таня, я не по документам – «Как я скажу? Что я скажу?»

Улыбка сошла с лица Татьяны: она увидела испуг в глазах Дарьи – Что-то случилось, Дарья Михайловна?

– Нет Танюша, нет. Работай.

И она вышла из отдела.

Девушки переглянулись – Странная она какая-то в последнее время – задумчиво сказала Вера.

Вечером ужинали с Вениамином. Вениамин почувствовал; что-то случилось. Когда Дарья вошла, от неё исходил страх. Каким-то образом он осознал, что страх Дарьи связан с тем местом, где она работает. Но он не ощущал угрозы ни для себя, ни для неё и успокоился. Поужинав, не убирая посуду, Дарья ушла к себе и легла, не раздеваясь. И сразу же уснула. Проснувшись ночью, разделась и, укрывшись одеялом, заснула до утра. В семь часов запикал будильник. Дарья села. Зашумела вода в туалете. Бросив на пол одеяло, Дарья встала и, выйдя из комнаты, позвала Вениамина. Он не шёл, и она подошла к туалету. Из туалета шёл запах, и она, морщась, спросила – Ты скоро?

Снова зашумела вода, брякнула защёлка. Он стоял, подтягивая трусы. Посторонившись, чтобы он вышел, зашла сама. Закончив, вышла и позвала Вениамина. Завела его в ванну и подмыла – Подожди – подмылась сама – Идём.

Вениамин лежал, а она, раздвинув ноги, садилась на него. Опустившись жопой ему на лицо, приказала – Лижи – сама склонилась к члену, сосала и дредила. Он вылизывал её жопу, пуская слюну. Привстав, Дарья натянулась и, оседая, погрузила член в себя. Когда он упёрся в стенку на изгибе прямой, задержалась, а потом стала совершать фрикции, с наслаждением, постанывая, и когда он задёргался, изливая сперму, выгнулась, выдавливая его из себя.

Прошло две недели. Три дня она находилась под впечатлением видения, но потом успокоилась. Утром, первого декабря, ехала в автобусе на работу. День был пасмурный и шёл снег.

Дарья задумалась, вспоминая что было вчера вечером. Она уже не краснела, вспоминая об этом, и не называла себя извращенкой; секс, приносящий наслаждение, становился нормой.

Раздевшись и переобувшись в кабинете, позвонила в отдел кадров. Взяла Вера – Вера, Таня пусть зайдёт

– А Таня ещё не пришла

Дарья уронила трубку и схватилась за сердце. Через полминуты открылась дверь и заглянула Вера – Дарья Михайловна, что с вами?! – закричала она, подбегая к ней. Следом за Верой, в кабинет, заскочила Галя. Дарья, побелевшая как стена, сидела, вперившись взглядом в пространство. Наконец, очнувшись, выдавила из себя – Позвоните мужу – девушки переглянулись – Таниному! ... Звоните! ... Скорее!

Галя побежала в кадры, и найдя карточку Михаила, Таниного мужа, позвонила в лабораторию, табельщице.

– Он сегодня в отгуле, Дарья Ми ...

– Звони домой! Звони с моего!

Галя позвонила и через полминуты положила трубку – Говорит, на работу уехала ...

Дарья стала задыхаться.

Вера побежала в отдел, и выхватив из аптечки нашатырный спирт, открыла, и опрокинула на ватный тампон. Вернувшись в кабинет, поводила у Дарьи под носом.

Дарья откинулась на спинку кресла и пришла в себя. В отделе кадров звонил телефон. Галя вышла ... Через две минуты она вернулась – На остановке ... на нашей остановке ... грузовик ... сбил ... женщину ... у неё ... в сумочке ... был пропуск ... это ... Таня ... – Галя заплакала.

...

Таню похоронили через два дня.

Дарья не смогла рассказать Михаилу, Таниному мужу, о своём видении.

Придя домой, достала из холодильника водку, и налив стакан, выпила. Сидела и ждала, когда подействует. Но ничего не происходило. Хотелось выть, и мотая головой, и заскрипев зубами, застонала.

Кто-то тронул за плечо – Отойди! – зарычала она и оттолкнула Вениамина.

Выпила ещё стакан водки. Потекли слёзы и тоска, сидевшая внутри, стала отпускать. Почувствовав голод, встала и, шатнувшись, открыла холодильник. Достала колбасу и ела, откусывая от палки. Перед глазами всё двоилось. Она рыгнула и засмеялась. Выпив воды под крапом, пошла из кухни, цепляясь за стены – Вени-а-мин ... Ве-ни-а-мин ... цепляясь за косяки, и вихляясь на подкашивающихся ногах, смотрела на него – Вениамин ... пошли ебაცца! – и захохотала.

Отцепившись от косяков, опустилась на колени, и на четвереньках поползла в спальню. Вениамин шел следом, шаркая и кособочась.

– Ложись! – она сидела на полу. Он лёг. Цепляя трико, и стягивая – Чё тты ввыёбываешься, а? – стянув трико до колен, взяла, лежащий между ног, член – А чё он не встаёт, а? – и дёргала его. Кровь запульсировала, член дёрнулся, удлиняясь и набухая. Дарья захохотала, и наклонившись, засосала залупу, прижав язык к уздечке. Из раззявленного рта текли слюни. Оторвавшись, встала на четвереньки, и попробовала залезть на Вениамина.

Но не смогла.

Двинувшись на четвереньках к стене, позвала – Иди садись

Вениамин сел и, не вставая, сдвинулся к стене, и прижался спиной. Дарья, развернувшись и раздвинув ноги, пятилась назад. Наткнувшись вагиной, мотнула головой – Неее, в жопу! – залупа упёрлась в анус, и Дарья, двинув жопой, почувствовала, что член вошёл в неё. Она сопела, ругалась и дёргалась, а когда задёргался Вениамин, застонала ...

Уснула на полу, разбросав руки.

Вениамин сидел и щупал её, погружая пальцы в липкое влагалище. Потом просунул руку меж ягодиц, и погрузил в месиво слизи. Потом водил пальцами по её груди и губам, размазывая слизь и улыбался, высунув язык. Из рта текли слюни.

Проснулась утром. Под головой подушка, а одеяло подоткнуто с боков. Лицо, губы и кожа на груди словно стянуты чем-то. Она провела пальцами по лицу и губам, ощущая шершавые коросты. Подцепив ногтем плёнку, подняла руку. Желтовато-мутная плёночка мялась в пальцах, но не размазывалась, а раскатывалась на шершавые комочки, липнувшие к коже. Дарья села – «Почему я на полу?» – Вспомнила похороны. Вспомнила, как сидела за столом, как пила водку ... и всё. Больше не помнила ничего. Хотела встать, и сморщилась от боли в паху. Сунув руку, щупала волосы на лобке. Скомканные и слипшиеся, они ещё и прилипли к коже и губам, и отдирались очень болезненно – «Неужели я вчера ещё и ... ничего не помню»

Встала и пошла в ванну.

...

Дарья Михайловна шла по коридору. У дверей её кабинета стояли молодые люди. Девушку она знала, а молодого человека видела впервые.

– Здравствуйте, Дарья Михайловна – Юлька улыбалась – А мы к вам.

– Здравствуйте. Это вы от коменданта? – Дарья открыла дверь – Заходите.

Выслушав сбивчивый рассказ Славки, улыбнулась и сказала – Я написала записку. Сейчас зайдёте к Шмакову, он подпишет, потом в отдел кадров, получите форму, и с этой формой снова к Шмакову. Он всё объяснит – она протянула Славке записку – Всего доброго – и улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.